Русский курьер
№ 225 (408)
4 ноября 2004 года, четверг

Восьмое чудо света

Мария БАБАЛОВА

Нынешний визит знаменитой итальянки в Россию, как и три года назад, это шаг поддержки Международной благотворительной программы «Звезды мира – детям», придуманной продюсером Владиславом Тетериным в 1997 году. Первой звездой программы была Монтсеррат Кабалье, потом по ее стопам пошли иные мировые знаменитости – Анжела Георгиу и Роберто Аланья, Мария Гулегина и Чечилия Бартоли...

Чечилия Бартоли, пожалуй, самая загадочная звезда современной классической музыки. Компакт-диски с ее записями, коих у нее уже три десятка, продаются рекордными тиражами и приносят певице бесчисленное количество наград. В ней есть недосягаемость и непостижимость, без которых немыслима подлинная Primadonna assoluta. И Москва принимала прекрасную итальянку с максимальными почестями. Лучший номер отеля «Метрополь», президентский вагон для путешествия на поезде из Москвы в Петербург, где сегодня на сцене Большого зала филармонии певица даст сольный концерт. Естественно, ее просто завалили подарками от милых безделушек до картин. И, конечно, как всякую звезду, приезжающую ныне в российскую столицу, Чечилию Бартоли повсюду сопровождал красавец bodyguard. Эта миссия была доверена опытному человеку. Он уже отвечал за безопасность многих звездных гостей столицы. Он следовал тенью и за Пласидо Доминго, и Хосе Каррерасом, а также за Джесси Норман («черная жемчужина» мировой оперы просто влюбилась в своего охранника), Марией Гулегиной и ныне за Чечилией Бартоли. И хотя первых дам оперы на московских улицах вряд ли кто узнает и уж наверняка не станет разрывать на памятные кусочки, дело в худшем случае обойдется автографом и фотографией на память, красавец-мужчина, как верный оруженосец, всегда был рядом, коллекционируя звездные улыбки...

Переполненный Большой зал Московской консерватории, как и положено в случае встречи со звездой, томительно долго ожидал выхода героини вечера. Начало концерта задержали почти на полчаса, а потом еще последовали приветствия – речи и даже маленькая музыкальная сценка – ученический опыт сводного хора студентов Хоровой академии под руководством Виктора Попова и Всемирного детского хора ЮНЕСКО...

Затем появилась Бартоли, облаченная в прелестное платье изумрудного цвета. И зал взвыл от восторга, прежде чем прозвучала первая нота. Конечно, нужно бы избавляться от дурной привычки вопить «браво!» перед началом выступления, но в данном случае публику можно было понять – приехала сегодняшняя (а не позавчерашняя или завтрашняя) звезда, не отговорившись боязнью терактов, плохой погодой или еще чего-нибудь.

Бартоли наградила публику неотразимой улыбкой и окинула столетние своды консерваторского зала взглядом, в котором слились воедино благоговение и упоение. И начала петь. К сожалению, по причинам технического свойства певица не смогла привести в Москву свой последний хит – программу из сочинений Сальери и предложила франко-итальянское путешествие по своим прежним концертам. Звучали произведения Россини, Беллини, Доницетти, Бизе, Берлиоза, Делиба и Полины Виардо под чуткое фортепиано итальянца Серджио Чиомея.

Бартоли, ренессансная красавица с настоящим римским профилем, экспрессивна до эротизма. В ее пении процесс творчества поразительно очевиден: каждый звук продолжается в мимике лица и телодвижениях. В кульминационные моменты понимаешь, почему на концертах Бартоли фотосъемка всегда категорически запрещена. Ее степень проникновения в музыку настолько велика, что запросто веришь в миф о демоническом перевоплощении Паганини в момент музицирования. Она безраздельно отдается музыке, исполняя самую крошечную вещицу так, будто делает это в первый и последний раз и вместе с финальной нотой ее сердце просто остановится.

Голос Бартоли, идеально сфокусированный, мягкий и сочный, формально определяемый, как редчайшее колоратурное меццо-сопрано. В реальности же в ее голосе слились краски женских регистров. Единственное, чем не может поразить ее голос, так это стенобитной силой, какая должна быть у примадонны в стандартном представлении. Отчего этому изысканному голосу куда уютнее было бы в менее масштабных пространствах. Но и в Большом зале консерватории Бартоли не форсировала звук, боясь быть не услышанной. А, наоборот, то и дело жонглировала своими фирменными пьянящими суперпианиссимо.

Для нее виртуозность – инструмент для высшего выражения страсти, гнева, надежды, веры и любви. Спеть так сегодня, кроме Бартоли, не сможет никто. Она вернула в классическое пение импровизационность, как основной принцип исполнения, которая была во многом утрачена в XX веке благодаря власти таких дирижеров-деспотов, как Тосканини, Караян или Мути. Бартоли становится полноправным соавтором композитора.

И это все при том, что формально в ее голосе таится столько «дефектов», что ей бы наверняка отказали в приеме в консерваторию. Она поет не благодаря, а вопреки всем правилам оперного вокала. Но гениальность на то и гениальность, чтобы не вписываться ни в какие общепринятые рамки.

Феномен Бартоли держится, прежде всего, на трех вещах: необыкновенной, почти цирковой технике с километровыми фиоритурами, эксклюзивном репертуаре из виртуозных арий восемнадцатого столетия, за пределы которого певица почти никогда не выходит, но и ее уникальной энергетике. Огненный темперамент римлянки делает вокальный вечер похожим на рок-концерт. Зал заводится с пол-оборота. На каждом крутом вираже – пассаже певицы у публики вырабатывается адреналин. Бартоли приучает публику иначе слушать музыку – не пропускать ни одной ноты, сопереживать и ликовать ежесекундно.

И зал стоял на ушах, не желая отпускать итальянку со сцены. К финалу вечера охапки цветов трансформировались в многозначительные записочки от поклонников, и кажется, что с каждым бисом Бартоли буквально отдается каждому слушателю. И публика постепенно понимает, что такое настоящее счастье.

А после очень честного насыщенного концерта феноменальная Бартоли будто совсем не устала, переоблачилась в скромный брючный костюм, и еще полтора часа сидела в холле Большого зала, ставя автограф на дисках, фото и программках и любезно общаясь со всеми желающими.

ИТАР–ТАСС

Чечилия Бартоли предприняла концертное путешествие из Москвы в Петербург

Чечилия Бартоли дала эксклюзивное интервью «РК».

– Собираясь в этот раз в Москву вместе с мужем, что вы рассказывали ему о России, вспоминая свою первую русскую гастроль?

– Перед тем как вновь вернуться в Москву, теперь уже три года спустя, я рассказала мужу о потрясающих впечатлениях, которыми я была переполнена в прошлый приезд. И именно тогда, три года назад, я решила, что непременно должна вернуться в Россию. Я все это время очень скучала по теплому приему вашей публики. По серьезным взглядам из зала и великим «ушам», умеющим удивительно внимательно слушать. На самом деле я с самого детства была зачарована вашей страной. Когда я была маленькой девочкой, я смотрела на карту на уроке географии и видела огромную Россию и всегда удивлялась, как такая большая страна по сравнению с маленькой Италией может быть настолько организованной во всех сферах: от науки до культуры и явить миру столько выдающихся умов! К сожалению, в прошлый раз я была проездом, и мне не удалось ничего посмотреть. Поэтому в этот приезд я надеюсь, мне удастся многое увидеть. Хочу посмотреть Москву, собираюсь добраться до Санкт-Петербурга на поезде и вдоволь надышаться его воздухом. Кто знает, может, в один прекрасный день я предприму настоящее большое путешествие. Например, по всей России на поезде. Может быть, доеду до самого Владивостока.

– Вы любите экстрим?

– Нет. Я не человек крайностей, Но я очень любознательна и стараюсь не упустить шанс как можно больше увидеть, пропустить через себя. Мне безумно нравится жизнь!

– А был ли в вашей жизни день, который вы бы хотели прожить дважды?

– Иногда чувствуешь, что хорошо бы продлить определенное мгновение, растянуть его во времени. Такие моменты, как яркие вспышки. Но вернуться к ним и заново пережить их – это, вероятно, слишком.

– Если бы вы оказались среди публики, как вы думаете, что бы на вас произвело наибольшее впечатление в пении Чечилии Бартоли?

– Сложно сказать... Несколько раз во время исполнения я чувствовала, что воспринимаю себя как будто бы со стороны и могу оценить происходящее. Признаюсь, я испытывала ощущение истинного наслаждения и настоящего полета. Но полет этот был недолгим, до первых рядов партера. Я свято верю в музыку. И думаю, что мне удается донести эту веру до слушателей. Надеюсь, когда я выхожу на сцену, публика видит человека, действительно преданного музыке. Хотя оценить себя со стороны объективно – это очень трудная задача.

– Что для вас в пении главное – техническая виртуозность или чувственность?

– Это очень сложный механизм. В звуке человеческого голоса смешано очень много. Прежде чем зазвучать, голос проходит через сердце, то есть насыщается чувствами сегодняшнего дня, и через мозг, то есть приобретает техническую огранку. И только потом становится достоянием публики. Но, по большому счету, я надеюсь, что мой голос – это инструмент души, хрупкий и сильный одновременно. Хотя я всегда полагала, что мой голос должен обладать большой эластичностью, так же, как любой инструмент, способный издать как звуки высокого регистра, так и низкого. Результат в первую очередь зависит от голосовых данных, то есть от самого инструмента, который нужно постоянно тренировать, как олимпийца. Вот в этом, наверное, и весь секрет. И, может быть, лет через сорок я буду петь басом партии древних старцев.

– Вы, по-прежнему, занимаетесь со своей мамай, которая была для вас и первым педагогом по вокалу?

– Я постоянно обращаюсь к матери за профессиональными советами. И вопросов – огромное количество. Вопросы возникают каждый день, правда, ответы находятся не всегда.

– Почему в последнее время вы явно отдаете предпочтение концертной эстраде, а не подмосткам оперных театров?

– Во-первых, мне не по душе мода на стадионный масштаб оперного действа. Опера – очень интимное искусство, и подобный подход, на мой взгляд, ее просто убивает. Во-вторых, практически невозможно предложить театру какое-то новое, неожиданное название. Заезженные шлягеры всегда находятся в привилегированном положении. А моя любимая барочная музыка, к примеру, – забудьте о ней. И такая политика, особенно ярко заметна по афишам моих родных итальянских оперных театров. Потому-то я и вынуждена искать свое оперное счастье за границей. У меня уже есть в планах осуществить несколько оперных постановок в Цюрихе. В следующем сезоне я впервые пою роль Клеопатры в «Юлии Цезаре» Генделя.Я обожаю оперу! Но готовить роль для спектакля – тяжелейшая работа. На одну роль у меня уходит два-три месяца, на которые надо забыть обо всем остальном. Поэтому я могу себе позволить подготовить лишь 1–2 роли за сезон.

– Свое творчество вы в основном посвятили старинной музыке. А вам самой хотелось бы жить в эпоху барокко?

– Я хочу прожить именно свою жизнь и именно сейчас. Поскольку это позволяет мне открывать историю и культуру прошлых эпох. Мы имеем некое представление о тех временах, но если бы я вдруг действительно оказалась в XVII или XVIII веке, я вряд ли смогла бы найти то важное, что способна донести до слушателей, живя в современном мире. Хотя в определенном смысле музыка, конечно, позволяет мне путешествовать во времени.

– Ваши последние и очень успешные альбомы были монографическими – Вивальди, Глюк и, наконец, Сальери. Кого следующим вы откроете миру?

– Я никого не открываю миру. Я лишь возвращаю к жизни произведения, по тем или иным причинам пылящиеся где-то в архивах. Думаю, меня можно назвать горничной, сметающей пыль с шедевров и преподносящей их публике в своей интерпретации. И сегодня я работаю над диском из произведений римских композиторов начала XVIII века. Это будет три или четыре имени. Но точно рассказать подробности я пока не могу, так как сама их еще не знаю. Я только в самом начале своего замысла.

– Вам нравится слушать свои записи?

– К своим записям я стараюсь относиться философски. Любой диск является довольно объективным отражением твоего прошлого. Некой фотографией, которая очень помогает в работе над ошибками. А какой смысл ругаться на собственные фотографии. Я вообще в жизни стараюсь быть терпимой и ни на кого, и ни на что не ругаться. И только будучи за рулем, застревая где-нибудь в Риме, в пробке, забываю о том, что я дала слово себе не ругаться.

– А чем, кроме пробок, дорог вам родной Рим?

– Современный Рим – удивительный город. Живя в нем, ты ощущаешь ритм XXI века. При этом наследие предыдущих веков не оставляет тебя, возникает некий стерео-эффект, позволяющий услышать голоса великих, творивших здесь в прошлом. Это поистине волшебно, рассматривать, например, Колизей и осознавать, что ты живешь уже практически в 2005 году, и жизнь идет своим чередом.

– Современная примадонна – это в большей степени талант или характер?

– В XXI веке, когда все и всем доступно, быть примадонной, в полном смысле этого слова, мне кажется, просто нереально. И нужно ли? А для успеха необходимы талант, талант и щепотка удачи. Но ничего бы этого не было в моей жизни без бесконечных занятий, упорства и страсти, которую я испытываю к музыке. Мое постоянное движение вперед обусловлено именно тем, что я фанатично люблю то, чем занимаюсь. Самое главное, найти свой способ подачи музыки. И не стесняться в выражении собственных чувств, потому что, я уверена, музыка – самое эротичное из всех искусств.

– Ваши концертные платья всегда очень яркие и красивые. Кто их автор?

– Сценические костюмы я всегда выбираю сама. В своем выборе я руководствуюсь прежде всего тем, насколько комфортно я себя чувствую в том или ином платье. Я сотрудничала со многими кутюрье. В Москве и Петербурге, например, на мне будет платье от Вивьен Вествуд – большой поклонницы классической музыки. И еще лет семь назад я решила для каждого композитора иметь специальное платье. Для Вивальди и Глюка – красное, для Россини – голубое, для Моцарта – белое. И заметила, что это приносит мне удачу.

– Вы суеверны по натуре?

– Не очень. В Италии большое количество традиций. Причем в каждой области можно найти свои – уникальные. Есть и общие, в основном новогодние. Например, итальянки надевают красное белье на Новый год, чтобы он был счастливым. А еще в Новый год все итальянцы едят чечевицу. Мне нравится разнообразие итальянских традиций, но я не могу сказать, что верю во все. У меня даже просто нет времени на все эти милые обряды.

– А что вас просили близкие привезти из России?

– Все просили меня привезти из России, конечно же, водку, икру, различные статуэтки... В Москве я видела много вещей, которые мне понравились. В Санкт-Петербурге, думаю, тоже смогу найти много интересного. Кстати, мне очень нравится русская традиция произносить тосты – это так романтично! Хороший тост – это же искусство! И перед отъездом из России я непременно подниму тост за то, чтобы как можно скорее вернуться в Россию.